

Темное небо. Нежно желтая луна, преследовавшая меня, опять напомнила о мире вокруг. О старости и стремлении быть вне её света, о улыбках и пьяных дебошах, о попытке или попытках жить в радость. И о попытке или попытках жить неохотно поднимая взгляд.

Мой старт был в компании лиса. Как только я появился на свет лис сразу меня обнюхал, присмотрелся ко мне, и может даже начал строить планы на мой счёт (о которых я не догадываюсь и по сей день). Мой лис не был тусклым или блеклым, как большинство зверей его размера. Да, он был далеко от главенствующего в этом лесу медведя, но был не одинок в смысле соседства. Была у него одна особенность - если померять его от кончика носа до кончика хвоста, то он явно длиннее своих собратьев, хотя и худощав. Шерсть у него не выше девятого этажа, и то только на загривке. Зубы...зубы правда со временем подсточились.

Ему сейчас чуть больше трёхсот лет, и только на втором с половиной столетии он перестал быть диким. Эх, как он был неотразим. Очень много людей при чине заботились о его здоровье и блеске его шерсти, хоть он и был всего лишь лис. А потом настало сейчас.

Повторюсь, его не нельзя назвать окраиной, разве что только географически, но всё познаётся в сравнении. Когда ты сидишь с этим лисом, приходит чувство, что это первые двери к краю мира. Но с ним же приходит другое, полностью противоположное ощущение, что эти же двери - первые среди тысячи других дверей, которые нужно будет открыть. При таком кричащем контрасте этого места, сам лис всегда молчит. С ним слишком тихо, особенно по вечерам, по-хорошему дико. Ты всматриваешься вдаль - под самый горизонт заливаемая лесом, а он смотрит тебе в душу.

А потом опять наступает вечер. Как и каждый день приходит ночь, но не всегда приходит лис. Зверь придёт к тебе, если ты один. Один не только под этим небом, но и в своей голове, без своих навязчивых мыслей. Тогда он спустится к тебе с самой высокой ветки дерева, чтобы составить компанию в прогулке. Этот лис слушает, если ты решишься ему что-нибудь сказать, но он никогда не ответит, только подскажет дорогу светом фонарей. Чутко и мягко, крепко и осторожно. Он знает многих людей, многим составлял компанию, слышал много желаний с появлением первой звезды в небе. Никому он не отвечал, потому что все знали скольким он дал начало, и скольким пришелся концом.

Мой отец сказал мне кто это лис. Он сказал, что этот лис мне приходится другом.

Как я и говорил, мой лис не край, не окраина и даже не окончание по своей сути. Но тут так тихо. Я не слышал более тихого зверя. Я думаю, есть и тише, и ухоженнее и податливее звери. Дрессированные, как вариант. Или просто более старые и мудрые. С лисом то и звёзды не так уж и хорошо видно. Зато видно самые яркие. Видно, и хочется смотреть. Окраина, пусть он будет и ей, тогда никому не придет в голову навесить на него ошейник.

Опять про старые времена. В старые времена люд ехал к лису. Это было почётно и перспективно. Под его боком воздвиг свои стены огромный завод, который был соразмерен с небольшим зверьком. Производил он химию всех направлений и мастей. Потом был ещё один, и ещё, и ещё. А шахт, со счёта кажется сбились, потому как номера давали уже от фонаря. Порыли бедного лиса, страх, хотя он был и не против. Кажется ему нравилась такая жизнь. Рабочий человек был равен со всеми. Такой человек ставил семью выше других, и зверя поддерживал, потому как любил. Кто работал руками, кто-то умом, кто-то сеял, кто-то продавал. Скажем так, все при труде. А коль каждый человек “рабочий”, то разногласий нет, а жизнь протекает мирно и идиллически. Меня тогда не было, но рассказывали, что тогда лис улыбался чаще и шире.

Мой друг пережил войну. Даже можно сказать две. Про первую знает каждый. Про вторую поведаю я вам. Это можно упустить, потому что это прошло. Но знаете, обычно людей для битвы подбирают с окраины, центр же остаётся не тронут.

Великая отечественная война. Да, и на лапы моего лиса поблескивали знамена, сначала с красными оттенками, потом серыми, потом опять красными. Лис видел, видел всё. И не мог этому воспрепятствовать. Как и любой другой зверь, он не хотел принимать ни одних, ни других. Я не осмелюсь сказать как и что тогда было с ним. Потому, как сам не знаю. Не видел своими глазами, не слышал своими ушами, не стряхивал налипшую грязь с глаз. Не делал ничего, что делал лис. Только могу представить моего друга, его взгляд. Его лап было недостаточно, чтобы защитить людей, которые были с ним. Его лапы были совсем крохотными по сравнению с лапами, которые отдавали красными и серыми оттенками. Его взгляд я могу представить только по одной причине. Каждый год мы чествуем солдат, и каждый год толпы смотрят на них, как и я, конечно с

цветами, куда же без традиционного ритуала. Но я вижу кое-что другое. Я вижу глаза этих людей, а в них есть отпечаток, ожог, глубокий шрам. Они не смотрят на меня. Они смотрят вокруг, всматриваются в лиса, который их всегда провожает. И тогда я осознал, что этот взгляд лишь отражение тех времён в них самих, и отражение моего друга. Поэтому, я могу представить как это было.

Года придали лису седины под носом, правда совсем чуть-чуть. Всё выросло обратно, шерсть опять колосилась бесконечными полями пшеницы и он не скалился от злости. Настали те самые времена, когда улыбок было, как звёзд на небе. Вот и я родился. Вокруг всё менялось. У зверей менялись полосы и цвета на их мордах и хвостах. Менялись вокруг оттенки. Но в общем хвост держался пистолетом.

Второе, самое пекло, я не видел. Видел начало, волнение в умах и паника в звериных сердцах. Мы успели оставить нашего лиса, до того как всё началось. Он не смотрел нам вслед. Он направил взгляд вперёд, на тёмную тучу надвигающегося безрассудного идиотизма, поглотившего людей на его стороне. Я помню, шерсть у него тогда стояла аж дымом. Как будто он уже такое видел. Следующее я узнал от отца, он не успел за нами.

Рассказывал мне это наедине. Этот жуткий шрам у него, как не абсурдно звучит, слышался в голосе. Сначала лису начали обдирать хвост. Потом попёрли на спину. Били его сапогами под рёбра и душили гусеницами танков. Ночью, безмолвной и особенно опасной, у человека отбирали дар видеть, именно тогда становилось особенно страшно. Как говорил мой отец: “Ты слышишь, и только. Не знаешь куда сейчас попадёт”. В те дни, окликая лиса, его глаза были настолько пусты, что казалось, будто он слеп. Он не смотрел на тебя, а лишь в пустоту, постоянно вращая ушами, в ожидании нового залпа, чтобы скорее показать дорогу в убежище тем, кто в нём нуждался.

Я опять гуляю с ним при свете луны. Хвост он тащит за собой и не следит за проезжающими машинами, а пялится прямо, куда-то в глубь темноты улиц. Я сажусь на мотоцикл, застегиваю куртку и надеваю шлем. К этому времени он уже удобно разместился на заднем сидении, не прекращая всматриваться в пустоту. Или в ней действительно что-то есть.

- “Хорошая ночь сегодня. Не холодно.”
- “...”
- “Где я ещё не был? А? Кто сегодня выбирает маршрут? Хочешь?”
- “...”

- “Ладно, ладно, сегодня ты, но только потому, что фонари ещё горят и я недавно заправился”.

Он плавно повернул морду в мою сторону, и так же плавно поднял на меня взгляд. Так прошло не одно мгновение. В бездне его тёмных глаз я не увидел грусть или какое-то другое чувство (может быть это было чувство намного сильнее - отчаяния), только задумчивость, о чём-то о своём, о лисьем. Потом он отвернул от меня морду и начал смотреть в небо.

- “Даа не грусти ты. Смотри как дышится свободно”
- “...”

Я вдохнул полной грудью. Глянул в то место куда уставился лис. Именно там, сквозь темноту неба, прорывались самые яркие звезды. На мгновение я увидел, как падает звезда. Лис продолжал задумчиво вглядываться в небесную мглу. Мотоцикл заурчал и плавно потянул нас под свет дорожных фонарей.

Почему окраина это ... ? Это край, конец, обрыв. Или ... Когда все начинали свой путь никто не оборачивался. Об этом задумывались только тогда, когда неоднократно прощались с людьми, кто шёл туда, вам за спину. Но куда? Вы не удосужились обернуться. А всё потому, что вы точно знали - это начало.

У каждого под сердцем зверь оставляет свой отпечаток. У каждого свой зверь. Иногда это объединяет меченых, иногда они этого стыдятся, но волей неволей все они идут к своей окраине, краю, концу. Или ... чьему-то началу.